

Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М. : Наука, 1988. С. 7–60.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 т. М. : «Гнозис» ; Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1.

Фратер А. Жертвоприношение ребенка [Электронный ресурс]. URL: http://oto.ru/cgi-bin/article.pl?articles/magic_thelema/theory/aton.txt (дата обращения: 21.10.2017).

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь : Исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М. : Политиздат, 1980.

УДК 821.161.1-31(Лесков Н. С.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444

А.Д. Колосова

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОЛЬ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА «ЖИТИЕ ОДНОЙ БАБЫ»

Аннотация. В статье анализируется художественная роль свадебного обряда в сюжете повести Н.С. Лескова. Рассматривается общерусская модель свадебного обряда, включающая в себя ряд необходимых этапов. Обнаруживается, что в «Житии одной бабы» героини воспроизводят лишь формальные признаки свадебного обряда, что становится средством сатирического изображения автором патриархального уклада жизни, из которого уходит духовное начало. Определяется значение данного эпизода для раскрытия образа главной героини: свадьба становится не праздником продолжения рода, а похоронами судьбы Насти.

Ключевые слова: фольклор, свадебный обряд, русская литература, русские писатели, литературное творчество, народные традиции, повести.

Традиционно исследователи творчества Николая Семеновича Лескова обращали внимание на роль свадебного обряда в повести «Житие одной бабы» (1863) в связи с изучением песенно-лубочной и агиографической составляющей:

работы И.В. Столяровой [Столярова 1978: 154–156], О.В. Васильевой [Васильева 2008: 224–225], И.В. Поздиной [Поздина 2009: 11] и др. На наш взгляд, данный вопрос заслуживает более пристального внимания, т.к. свадебный обряд занимает одно из центральных мест в сюжетно-композиционной структуре повести.

Свадебный обряд – одно из ключевых сакральных действий для любой культуры. Традиционно с ним связывают символический переход невесты из статуса девушки в статус женщины, выражая его через образ смерти, умирания [Байбурин 1990: 64–99]. Рождение женщины и ее примыкание к роду жениха означало продолжение этого рода. Поэтому в центре внимания во время свадьбы оказывается именно невеста, а жених находится сравнительно на втором плане.

Общерусская модель свадебного обряда включает в себя ряд основных этапов: *сватовство, рукобיתье, просватанье, обручение, день венчания, визит к родителям невесты* [Рябинович 1978: 7–37]. В тексте повести Лескова воспроизведены все этапы. Некоторые из них замещены утрированными аналогами: например, *сватовство* заменяет разговор Кости и Прокудина, когда последний предлагает своему партнеру породниться и заодно укрепить деловые отношения. *Рукобיתье* обозначено сиюминутным согласием Костика: «они поцеловались, и еще по стакану выпили, и еще, и еще, и так весь штоф высушили <...> С радости все целовался пьяный брат, продавши родную сестру за корысть, за прибытки» [Лесков 1973: 123]. *Визит к родителям невесты*, по обычаю того времени, замещается визитом в дом барина с одариванием всех членов барской семьи приданым невесты. То, что автор не включает в повествование такие элементы, как *просватанье* (одаривание сватов стороной невесты, вечеринки в доме невесты и приготовление приданого, девичник, баня для невесты) и *обручение* (знакомство накануне свадьбы родственников жениха и невесты, одаривание молодых), с одной стороны, объясняется тесным знакомством семей, может объясняться и региональными особенностями проведения свадебного обряда, но в большей

степени обусловлено скупостью Костика и Прокудина и некоторой условностью союза.

День венчания описан автором повести наиболее обстоятельно, в сравнении с другими этапами. Начинается описание этого дня со слов: «говорил народ, что не свадьба это была, а похороны. Всего было довольно: питья, и еды, и гостей званых; не было только веселья да радости. <...> Бабы заведут песню, да так ее кое-как и скомкают; то та отстанет от хора, то другая – и бросят» [Там же: 131]. Мотив «неблагословления» высшими силами будет проходить через все описание обряда: и в эпизоде в церкви – «когда водили Настю вокруг наложия и пели: "Исаия, ликуй! Дева име во чреве и роди сына Еммануила", она дико взглянула вокруг, остановила глаза на брате и два раза споткнулась, зацепившись за подножье. В толпе пошел шепот: "Ох! Нехорошо это, бабочки! Не к добру это она, болезная, спотыкнулась-то!"» [Там же: 132] (любое падение, спотыкание, символическое препятствие на пути к переходу невесты считалось плохой приметой), и на утро после свадьбы, когда Настя ночевала отдельно от мужа: «...тут же были готовы пересуды. Одни ругали Настю, другие винули молодого, третьи говорили, что свадьба испорчена, что на молодых напущено и нужно съездить либо в Пузеево к знахарю, либо в Ломовец к бабке. Однако так ли не так, а опять веселья не было, хотя попили все опять на порядках. Хороводились таким манером через пень колоду до самого обеда» [Там же: 139–140]. Таким образом, в тексте обозначается присутствие объективной, независимой от желаний Костика и принятого уклада жизни, высшей воли, которая контаминирует с внутренним состоянием героини и, тем самым, благословляет ее на сопротивление внешним обстоятельствам. Остальные участники обряда чувствуют непонятное для них «отклонение от нормы» и сообразно этому предлагают свои варианты восстановления миропорядка.

Важным средством характеристики как свадебного обряда, так и героини-невесты становится комментарий автора: «с самого утра этого дня она будто перестала мучиться и точно как умерла» [Там же: 132]. Ее мертвенное состояние не осталось незамеченным всеми участниками действия. Таким образом, свадьба в повести

Лескова становится не праздником продолжения рода, а, в буквальном смысле, похоронами судьбы Насти.

Интересным вопросом в данном контексте становится то, почему героиня во время свадебного обряда не причитала, хотя именно причет является ключом к переходу невесты из одного статуса в другой. Даже если невеста по каким-то причинам не могла причитать, для этих целей нанимали специальных плакальщиц, и традиция все равно соблюдалась. Этот вопрос не звучал бы так остро, если бы Лесков с удивительной этнографической достоверностью не описал другие элементы свадебного обряда. Особенно не хватает хотя бы упоминания о причете в описании утра венчального дня: «одевали ее к венцу, песни пели, косу девичью расчесывая под честной венец; благословляли образами сначала мать с Костиком, потом барин с барыней; она никому словечка не промолвила...» [Там же]. На наш взгляд, это объясняется тем, что умирание Насти не сменяется ее возрождением в новом статусе, а растягивается надолго, до момента встречи со Степаном.

В ходе повествования о свадебном дне Лесков мастерски передает нравы крестьянской среды и церковных служителей. Примечательно то, что поп, который венчал Настю и Григория, так и не дождался ответа на вопрос «Имаши ли, Григорие, благое произволение пояти себе сию Анастасию в жены?» ни от жениха, ни от невесты, что является прямым нарушением церковного канона. Этот эпизод обнаруживает формальность благословления брака церковью, формальность восприятия церковнослужителем своих обязанностей, что, как понимает читатель, к сожалению, стало нормой.

Нравы крестьянской среды обнаруживают себя в самом щекотливом эпизоде свадьбы – когда молодых повели спать в пуньку. Здесь в повествование включается рассказ о свахе, Варьке-бесстыжей. С одной стороны, сам образ Варьки придает всей сцене оттенок пошлости. С другой стороны, автор приводит точку зрения народа на эту женщину: «ее никто не обегал, потому что она была и работница хорошая и из хорошего дома. О ее родных говорили, что они «первые хозяины», и Варьке по ним везде был почет, хоть и знали, что

она баба гулящая» [Там же: 133]. Поведение Варьки не только оправдывается. Приобретенный ею опыт в любовных делах одобряется в лице общественности: «ничего иной не смыслит, робеет перед женою, родным в это дело мешаться неловко, так и дорожат свахой смелой да бойкой» [Там же: 135]. Но даже такая умелая сваха, как Варька, не смогла помочь Григорию и Насте.

Мастер иронии, Лесков умело изобличает и остальных гостомельских жителей, вводя в этот же фрагмент текста погудку (анекдот) про колокол, которая оказывается важна «для характеристики расшатанной сельской нравственности и обличения целой социально-возрастной группы – крестьян-снохачей с Гостомли» [Горелов 1988: 113]. По мысли Лескова, нравственная расшатанность порождена конкретно-историческими условиями: показателем этого является то, что снохачи – явление массовое. Согласно укладу Домостроя, в крестьянской среде молодых людей, так же как Настю с Григорием, женили не по своей воле. Настя, как и другие крестьянские девушки, желала для себя счастливой семейной жизни, выполняла для этого все установленные традицией предписания, получала одобрение в их выполнении: «Выложила Настя свои заветные ручники, на которых красной и синей бумагой были вышиты петухи, решетки, деревья и павлины, и задумалась над этими ручниками. Ей вспомнились другие дни, другие годы, когда она, двенадцатилетней девочкой, урывала свободный часок от барской работы и проворно метала иглою пестрые узоры ручниковых концов и краснела как маков цвет, когда девушки говорили: "Какие у Насти хорошие ручники будут к свадьбе"» [Лесков 1973: 140]. Но установленный патриархальным укладом миропорядок оказывается давно подорванным реальной жизнью. Несогласные с этим укладом и неспособные что-либо изменить, многие молодые крестьяне и крестьянки, как Григорий, выбирают модель социально одаб्रиваемого поведения – Настя выбрала путь сопротивления. Однако давление социума не может унять потребности в настоящей любви, а поиски любви после женитьбы оборачиваются снохачеством.

В силу выше сказанного описание свадебного дня в повести Лескова приобретает сугубо сатирический характер. Вся сакраментальность свадебных ритуальных действий переходит в плоскость повседневности, опошленности, заземляется. В.Ю. Троицкий пишет: «Лесков так отбирает бытовые детали, что – комичные или иронические в отдельности – они в совокупности вызывают резко отрицательное, язвительно-насмешливое отношение к представляемому ими быту и обывателям. Именно таким образом «сгущенный» бытовизм перерастает в сатиру» [Троицкий 1974: 66]. В результате от свадебного обряда в «Житии одной бабы» остаются только формальные признаки. Ни многочисленные свадебные поговорки: ««горько! подсластите, молодой князь со княгиней»; «кисло»; «пригубь, княгиня молодая»; «мышьиные ушки плавают» [Лесков 1973: 132–133]; ни соблюдение всех необходимых ролей и традиционного свадебного сценария: сваха, дружка, подружья, отвечающие за соблюдение установленных традицией порядков; ни этнографически точное описание смены нарядов невесты: ряжение в подвенечное убранство, смена в церкви головного убора и паневы, переодевание невесты «в пир», а также окончательное облачение ее в комплекс замужней женщины – ничего из этого не производит должного эффекта. Праздник воссоединения двух семей, продолжения рода, плодородия оказывается оскверненным самими участниками этого обряда. Причиной этого оказывается превращение космоса патриархального уклада жизни в хаос его повсеместного осквернения.

Итак, Лесков подходит к описанию свадебного обряда с этнографической точностью, но его воплощение становится средством изобличения патриархальной закоренелости как непосредственно гостомельцев, так и крестьянства в целом. На каждом этапе изобличается тот или иной порок: сватовство – восприятие свадьбы как выгодной сделки; рукобитье – пьянство; просватанье и обручение – скупость; день венчания обличает трусость; визит к родителям невесты (в дом барина) – угодничество. Умирание Насти-девушки во время свадебного обряда не ведет к последующей необходимой стадии – рождению женщины. Ее протест вызывает желание носителей

«традиции» восстановить «норму». Таким образом, автор показывает, как из одного из самых сакральных обрядов в культуре человечества уходит духовное содержание.

Литература

Байбурин А. К., Левинтон Г. А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М. : Наука, 1990. С. 64–99.

Васильева О. В. «Страдание» в мотивном комплексе повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы» // Вестник ЧГУ. 2008. № 3. С. 221–225.

Горелов А. А. Н.С. Лесков и народная культура. Л. : Наука, 1988.

Лесков Н. С. Житие одной бабы // Лесков Н. С. Собр. соч. : в 6 т. М. : Правда, 1973. Т. 1.

Поздина И. В. Повести Н.С. Лескова 1860-х годов в аспекте жанрового синкретизма, мифопоэтики и народной культуры : автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009.

Рябинович М. Г. Свадьба в русском городе XVI в. // Русский народный свадебный обряд / под ред. К. В. Чистова, Т. А. Бернштам. Л. : Наука, 1978. С. 7–37.

Столярова И. В. В поисках идеала : творчество Н.С. Лескова. Л. : ЛГУ, 1978.

Троицкий В. Ю. Лесков-художник. М. : Наука, 1974.

УДК 821.161.1

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-3

Н.Д. Шамова

*(Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия)*

**ЛЕГЕНДА О КРЫСОЛОВЕ В ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА:
В.Я. БРЮСОВ, А.С.ГРИН, М.И.ЦВЕТАЕВА**

Аннотация. В статье рассматривается интерпретация легенды о Крысолове русскими писателями Серебряного века. Особое внимание уделяется причинам обращения авторов к данному сюжету. Анализируются индивидуальные трактовки сюжета легенды.